

ГЛАВА 1

Сашенька маялась от безделья. Это было совсем не в ее духе, а потому давалось вдвойне трудно. Но увы, не помогали скрасить охватившую девушку грусть ни подступившая к городу весна, ни родители, ни друзья, ни даже общество всеобщего любимца пса Аладдина, превратившегося за последнее время из нескладного щенка во вполне себе красивого и сформировавшегося собаку.

Свою игривость он унаследовал от пуделя, являвшегося одним из его родителей. А добрый нрав и лояльность ко всем живым тварям, в том числе и к людям, достались ему от второго родителя — лабрадора. Пудель плюс лабрадор — вот и получилась дизайнерская собака под названием лабрадудль.

И, представьте себе, даже такая замечательная собака не могла помочь Саше и извлечь ее из той пучины, в которую погружалась девушка. Ей срочно было нужно чем-то себя занять. Чем-то очень важным и при этом увлекательным. Лучше всего новым расследованием. Но чтобы

что-то расследовать, нужно было найти хоть какую-нибудь загадку, за которую можно было бы уцепиться, словно за спасательный круг.

А пока Сашенька прикидывала, чем бы таким ей заняться, Аладдин или, как его звали все домашние — Диня, вынужденно проводил время в обществе своего пернатого друга — попугая Яго, который, увы, учил его не доброму, светлому и вечному, а исключительно всевозможным пакостям, проделкам и каверзам. Да еще подстраивал коварный попугай дела так, что неизменно виноватым и под подозрением оказывался Диня.

Разумеется, хозяева прекрасно знали, откуда у их проблемы растут ноги. Они пытались повлиять на попугая, призвать того к порядку, но пока что безрезультатно. Попугай продолжал шkodить, впутывая добродушного простака Аладдина в свои дела все больше и больше.

Особенно громко сетовал на подобное положение дел папа:

— Это я виноват в том, что Диня попал под дурное влияние Яго. Принес беду в дом. Не следил, не занимался ими. И теперь наш головастый попугай, увы, не обремененный высокими моральными качествами, растит из бедного пса настоящего разбойника. Что дальше будет?

— А что будет?

— Представьте, — понизив голос, сообщил папа жене и дочери, — на днях я видел, как эта парочка тусовалась возле нашего продуктового магазина. Как эти двое проходимцев выбрались на улицу, если дверь закрыта, а на окнах москитные сетки, это уже отдельный разговор. Но что они там возле магазина делали, спросите вы меня?

— Что?

— Воровали еду!

— Не может быть!

— Еще как может! В магазине, по случаю наступившей теплой погоды, со стороны двора были открыты окна, так вот, я своими глазами видел, как Яго вылетел из этого окна наружу, сжимая в лапах куриный окорочок.

— Сырой!? — ахнула мама.

— Ну, допустим, копченый, — с неудовольствием уточнил папа. — А что? Это что-то меняет?

— Сырой без термообработки может быть вреден для желудка.

Папа кинул на нее страдальческий взгляд, не о том ты, женщина моя любимая, думаешь, ох, не о том печешься, и продолжал:

— Так вот, вылетел Яго, добычу кинул Аладдину, а сам назад. Обрато вернулся уже с упаковкой орешков. Догадываешься, какие взял?

— Фисташки, — предположила мама. — Яго эти орехи любит больше остальных.

Папу, который и так уже закипал, этот ее ответ почему-то возмутил до крайности, и он закричал:

— Любит он их! Скажите, пожалуйста! Я тоже много чего люблю. Но я же не ворую понравившиеся мне вещи! Я же не дикарь, я цивилизованный человек. А тут форменное безобразие. Один чужую курятину грызет, словно эскимо, а второй рядом ворованные орехи шелкает. Меня увидели, думаешь, они прекратили? Как бы не так! Только быстрее клювом и челюстями за двигали. Еще удивительно, что их за этим делом не застукали продавцы.

— А ты что сделал?

— А что я мог сделать? Сделал вид, что это не моя собака и не мой попугай, отвернулся от них и, насвистывая, прошел к дому.

— Ну и хорошо, что все обошлось, — с облегчением произнесла мама. — А с нашего магазина не убудет! Может, это вообще просрочка была, которую так и так нужно было утилизировать. Вот наши ребята сотрудникам магазина и помогли в этом деле.

— В этот раз обошлось, тут я с тобой согласен! Но рано радоваться. Ведь так не может продолжаться вечно. И я совсем не удивлюсь, если

вскоре нам станут поступать жалобы от соседей, обворованных этими двумя молодчиками.

Но соседи пока молчали и только восхищались обаянием Аладдина и умом Яго, что вселяло в папу еще более мрачные мысли.

— Все их так нахваливают, что у меня складывается впечатление, наши пес и попугай занялись рэкетом и вымогательством. Они что-то такое узнали и теперь запугивают бедных соседей, так что те стремятся к шантажистам подольститься.

Мама хохотала и утверждала, что у мужа сезонное обострение. Папа смотрел на нее в ответ любящим взглядом, а потом веселье жены заражало и его, и он тоже начинал смеяться. А вот Сашеньку проделки ее друзей совсем не забавляли.

Несмотря на все усилия отвлечься от тоски, Сашенька только все глубже погружалась в хандру. А ведь и время для такого недуга было совсем неподходящее, на дворе стояла весна, солнца становилось все больше, и дни становились все теплее и длиннее. И казалось, сама природа настоятельно советовала встряхнуться, скинуть с себя зимнюю одурь и тоску и увидеть, до чего же прекрасна жизнь!

Но Саша никак не могла взять себя в руки. Вслед за стремительно ворвавшимся в ее жизнь

расследованием и сопровождавшими его бурными эмоциями, у Саши вновь наступил период полного затишья. И девочка просто не знала, куда себя и приткнуть. Сначала целыми днями слонялась она по квартире, пыталась ходить на долгие пешие прогулки, отвлечься на учебу, читать, смотреть ролики, вышивать, клеить, строгать... Нет, ничего ей не помогало!

По примеру своего известного коллеги она даже попыталась играть на скрипке, но быстро поняла, что самостоятельно ей это искусство не осилить, нужен кто-то знающий, после чего стала брать уроки у частного преподавателя. Родители нашли ей через и еще раз через знакомых опытного преподавателя с превосходными отзывами, но тот после нескольких посещений Саши как-то утратил первоначальный оптимизм и все чаще заговаривал с ученицей о том, что ей бы, дескать, остановить свое внимание на более покладистом инструменте.

— Например, фортепиано прекрасно подойдет, — соблазнял он Сашеньку, стараясь не смотреть той прямо в глаза. — Ну, или ударные!

— Скрипка!

— Сдалась тебе эта скрипка! — кипятился учитель. — Ты только представь себе, сыщик — барабанщик! Или вот треугольник, тоже пре-

красный инструмент! На него твоих музыкальных способностей вполне хватит.

Но Саша не хотела звенеть в треугольник, она хотела выводить сложные этюды, совсем как великий Шерлок. Увы, пальцы упорно становились на грифе не туда, смычок срывался, а старенькая еще бабушкина скрипка буквально крочилась от страшного конфуза, что эти жуткие звуки приходится издавать ей. Скрипка пережила пять занятий, а на шестом сломалась. Просто рассыпалась в руках у слишком уж упрямой ученицы.

— Впервые такое в своей жизни вижу, — изумился Петр Карлович, держа в руках то, что осталось от скрипки. — Скрипка разлетелась буквально на кусочки. Сашенька, вы ее роняли?

— Я — нет. Возможно, бабушка в свое время. Или мама, когда делала уборку.

Петр Карлович считал, что это очень похоже на то, что скрипка попросту свела счеты с жизнью.

— Самоубийство у скрипок прежде зафиксировано не было, так что можешь гордиться.

Учитель также осторожно предположил, что случившееся с инструментом может быть им своего рода знаком.

— Глас с небес, что тебе, Сашенька, нужно оставить эту затею с игрой на скрипке.

Может, оно так и было. И даже, скорее всего, именно так и было, потому что последующие события показали, насколько глубоко был прав Петр Карлович, предостерегая Сашу от этой науки.

Но Сашенька не хотела ничего слышать. Никакие предостережения на нее не действовали. Она желала выучиться играть и мечтала выводить долгими тоскливыми вечерами пьесы, распугивая комаров, тараканов и бабочек, а также доводя соседей до нервных срывов. Чем провинились перед ней соседи, Саша и сама толком объяснить не могла. Ею руководил подростковый нигилизм, который начисто отрицает у старшего поколения право на что угодно и в первую очередь на покой.

— Я куплю новую скрипку! — с азартом заявила она. — Немедленно! Прямо сейчас!

Петр Карлович лишь тяжело вздохнул. Но видя такую неистребимую тягу у этого бездарного ребенка к музыке, спорить не осмелился. И чиркнул на бумажке название магазина, куда Сашенька полетела стрелой. Действительность несколько отрезвила ее. Девочка-то полагала, что ученическая скрипка может и должна стоить совсем недорого и планировала уложиться в пределах десяти тысяч. Каково же было ее изумление, когда она поняла, что за эти деньги не сможет приобрести даже смычка.

Саша схватила телефон и зарыдала в него:

— Петр Карлович, дорогой вы мой человек, помогите! У меня не хватает денег! Тут все так дорого!

— Сашенька, это ведь инструмент. Он будет служить вам всю жизнь. Впрочем, есть вариант приобретения подержанного инструмента.

— А где гарантия, что он не развалится, как моя старая скрипка?

— Гарантии такой нет. Но ведь и стоят бывшие в употреблении скрипки совсем не так дорого. Можно купить две или даже три штуки и терзать их, пока несчастные не рассыплются в прах.

Сашенька сорвала телефончик с объявления, которое висело на дверях магазина, и сразу позвонила. Увы, номер оказался неактивен. Но Саша уже узнала направление, в котором ей надо двигаться, и стала вызванивать скрипки с Авито.

Скрипок продавалось много. И весь остаток вечера провела в разъездах по городу. Увы, скрипки попадались совсем никудышные. Даже неопытной Саше, едва-едва научившейся извлекать несколько нот, было ясно, что так вибрировать и потрескивать приличная скрипка не может. Но оказалось, что первая была еще очень даже ничего. Остальные предлагались либо без струн, так что проверить их звучание бы-

ло невозможно, либо в состоянии очень близком к тому, в котором пребывала собственная скрипка Саши.

В итоге Саша поняла, что проще и дешевле будет склеить остатки своей скрипки, чем она и занялась.

— Клей «Момент» нам в помощь!

К следующему утру скрипка просохла и была готова к употреблению. Внешне она выглядела превосходно, вот только услышав первые же ноты, которые она издала, Петр Карлович схватился за голову. Саша и сама поняла, что потерпела фиаско. И в отчаянии так стукнула себя смычком по голове, что голове стало больно, а смычок треснул.

— Сашенька, вы должны что-то с этим сделать. Ваш инструмент безнадежно испорчен. Я дам вам адрес одного очень хорошего моего друга, съездите к нему. У него есть скрипочка на продажу, возможно, вам удастся уговорить его отдать инструмент именно вам.

— А что? Хорошая скрипка?

— Отличная! Скрипка, смычок, футляр, все в комплекте. Идеально! Многие хотели приобрести у него инструмент, но он всем отказал.

— Тогда зачем мне к нему ехать?

— Потому что я уверен, что вам он ее отдаст за сущие копейки.

Голос Петра Карловича прозвучал столь загадочно, что Сашеньке стало любопытно.

— Почему именно мне?

Этого Петр Карлович не объяснил, но повторил, что его друг и его скрипка — это единственная надежда для Саши продолжить обучение при отсутствии у нее должного финансирования. Увы, это была горькая правда. Родители Саши разрешили ей брать платные уроки музыки только после серьезного разговора, что иначе Саша пойдет заниматься боксом. Поставленные перед жестким выбором бокс или скрипка, родители в итоге все-таки выбрали музыку.

И все же Саша понимала, что если на оплату уроков Петра Карловича ее родители еще как-то находят средства, то купить новый хороший инструмент им так сразу будет уже не под силу. Сносные скрипки стоили очень дорого, а у ее родителей сейчас каждая копейка была на счету, ведь они как раз сейчас строили новый дом за городом.

Когда строительство начиналось, родители рассчитывали на одну сумму, которая у них отчасти уже имелась, а отчасти они собирались взять кредит. Саша помнила, как все вместе они с увлечением прикидывали, как будут строить свой будущий дом. Но цены выросли настолько, что им всем стало ясно, от первоначального

проекта придется отказаться. Так дом из двухэтажного быстро стал одноэтажным, площадь его тоже сократилась, исчезли балкончики, о которых мечтали папа и Саша, и пропало высокое крыльцо с ажурным козырьком — мечта мамы, а толщина стен заметно уменьшилась.

И все равно строительство существенно замедлилось. Поэтому та десятка, которую выделили Саше, была пределом нынешних возможностей родителей.

— Интересно, почему Петр Карлович думает, что я получу эту скрипку?

Саша глянула в бумажку, которую ей дал преподаватель. Ехать предстояло далеко, на другой конец города. Владельца скрипки звали Никифором. И никакой предварительной договоренности у Саши с ним не было. На этом настаивал Петр Карлович.

— Специально не даю тебе его номера телефона. Если позвонишь и скажешь про скрипку, то все пропало. Он просто тебе не откроет.

— А как же быть?

— Приезжаешь, звонишь, он тебе открывает, видит тебя и только после этого уже заводи разговор про скрипку!

— А если мне откроет дверь жена? Или дочь?

— Он живет один.

— А сколько ему лет?

— Мы с ним ровесники.

Петр Карлович всегда казался Саше древним стариком, чуть ли не ровесником пророка Авраама. Но открывший Саше дверь мужчина выглядел куда как моложе.

— Чего тебе? — спросил он у девочки.

Ни капли любезности не было слышно в его голосе. И смотрел он на Сашу без всякой симпатии.

Саша отчаянно трусила, но набралась смелости и довольно нахально заявила:

— Я за своей скрипкой приехала. Она ведь у вас?

Она ожидала, что мужчина турнет ее или попросту захлопнет перед ее носом дверь. Но тот лишь кивнул.

— Подожди!

И всего через минуту в руках у Саши очутился продолговатый черный футляр. Он был тяжелый. Еще бы! Ведь внутри него был инструмент. Скрипка!

Дверь уже начала закрываться, как Саша спохватилась:

— А деньги-то?..

— Сейчас у меня нет. Потом зайдешь!

— Вы не поняли, это я вам должна! За скрипку!

Но дверь уже закрылась. И Саша очутилась в одиночестве.

— Чудеса какие-то, — пробормотала она. — Догадывалась, что мужик с чудинкой, но чтобы настолько...

Первым делом она открыла футляр, чтобы убедиться, что внутри находится то, что ей нужно. Скрипка лежала там, заботливо прикрытая бархатистой попонкой. Ее вид не слишком впечатлил Сашу, но она понимала, что оценить инструмент на глаз невозможно. На скрипке нужно поиграть, и желательно, чтобы это сделал профессионал, а не она со своими кривыми ручками.

Пришлось вернуться к Петру Карловичу, который как раз закончил заниматься со своим последним на сегодняшний день учеником и выговаривал ему, стоя у дверей:

— Геша, я тебя умоляю, мягче пальцы. Ты вцепляешься в гриф, словно это утопленник, которого тебе нужно вытащить на берег. А скрипки любят ласку и нежность точно так же, как и женщины. Тренируйся лучше. Это тебе и на будущее пригодится.

Огненно-рыжий Геша краснел до слез и кидал на Сашеньку страдающие взгляды. Они уже встречались. И еще при их первой встрече Сашенька поняла, что Геннадий, что называется, запал на нее всеми фибрами своей юной души. Но он был младше ее на целый год, рыжий,

с торчащими ушами, да и вообще... Перед мысленным взглядом девушки все еще стояла подтянутая атлетическая фигура ее любимого следователя Милорадова. И даже тот факт, что они уже почти месяц не общались, ничего не менял. Геша при всем своем желании и всей снисходительности Сашеньки никак не мог тягаться в ее сердце со следователем.

— А можно я тоже посмотрю, что она привезла? — спросил Геша у доброго Петра Карловича, который, конечно же, ему разрешил.

— Ну, посмотри.

Сам Петр Карлович уже раскрывал замки на футляре, покашливая от сдерживаемого волнения.

— Отдал, значит? — спрашивал он у Саши. — И долго тебе пришлось его уговаривать?

— Вы удивитесь, но нет. Все случилось в точности, как вы предсказывали. Он открыл дверь, увидел меня и сразу же пошел за скрипкой. Представляете, он даже деньги не захотел у меня взять!

— Да что ты!

— Я ему говорю, а как же деньги? А он даже не услышал, просто взял и дверь захлопнул.

— Ну, я потом с ним поговорю. Если эта скрипка пролежала у него десятки лет без дела, это еще не значит, что он должен...

Но тут Петр Карлович замолчал. Осекая он в тот момент, когда открыл футляр и увидел скрипку. Выглядело это столь странно, что Саша встревожилась.

— Что-то не в порядке?

— Это не та скрипка, — произнес Петр Карлович, голос которого звучал сдавленно.

— Она плохая?

Учитель покачал головой. Кажется, он был не в силах справиться с охватившим его волнением.

— Хорошая? — уточнила Сашенька.

— Лучшая!

— Но это не та, о которой вы говорили?

— Эта много лучше! Не то чтобы та скрипка, за которой я тебя посылал, была плоха, но эта вообще шедевр! Ты себе даже не представляешь, ЧТО за инструмент попал к тебе в руки!

Петр Карлович бережно извлек скрипку из футляра и провел смычком по ее струнам. Скрипка немедленно откликнулась таким нежным и в то же время сильным звуком, что у ребят невольно по спине пробежали мурашки. Петр Карлович играл, а лицо его выражало попеременно все оттенки изумления.

Неожиданно он прекратил играть, еще раз оглядел скрипку и произнес:

— Нет, все равно не понимаю, как он мог!

— Чего вы не понимаете?

— Это просто не укладывается у меня в голове! Никифор отдал тебе свой собственный инструмент! Отдал тебе свою скрипку!

— Но она же хорошая?

— Хорошая! — воскликнул Петр Карлович то ли с негодованием, то ли с восторгом. — Да ее сотворил сам Яровой! Своими собственными руками! В своей мастерской! Ты это понимаешь?

И не дожидаясь ответа от девушки, он продолжал:

— Денис Владимирович колдовал над ней! Эту скрипку он сделал специально для выступления Никифора на фестивале в Милане. И ни одна живая душа не усомнилась, что Никифор играет на одной из скрипок лучших итальянских мастеров прошлого. Думали, что это Амати или сам Страдивари. Представляешь?

— И... это хорошо?

— Боже, да кому я это говорю! Неужели ты сама не слышала, как звучит эта скрипка? Таких инструментов в мире, возможно, всего несколько десятков. И он отдал ее тебе! Нет, я немедленно должен ехать к Никифору! Я должен разобраться в том, что происходит! Он или сошел с ума, или тяжело заболел!

— Больным он не выглядел, — хмуро буркнула Саша, которой совсем не улыбалось снова тащиться на другой конец города.

И зачем? Все так прекрасно складывалось. Она получила скрипку, которая многократно превосходила ее старую. И получила ее совершенно даром. Зачем же куда-то ехать и что-то там уточнять? Лично она не видела в этом никакого смысла.

— Можно ведь просто позвонить! — осенило ее. — Позвоните этому вашему Никифору, он вам подтвердит, что отдал мне скрипку совершенно добровольно. И значит, она моя!

— Она не может быть твоей! Этот инструмент принадлежит всему человечеству! Никифор выступает со своей Ярославой на лучших сценах мира. И ты хочешь сказать, что такая скрипка может очутиться в руках у начинающего неопытного ученика?

— Значит, ваш Никифор разглядел во мне талант!

Саша деликатно пыталась намекнуть своему учителю, что ему тоже не мешало бы приглядеться получше. Но Петр Карлович при этих ее словах скривился, словно у него разболелся гнилой зуб. В наличие такой величины таланта у своей ученицы он явно не верил.

— Сашенька, он ведь тебя даже не слышал. Ты говоришь, что он открыл дверь и сразу отдал тебе скрипку?

— Да, именно так. Я попросила, он отдал.

— Потрясающе! Невероятно! Сокровище России отдать в руки дилетанта, потому что тот об этом попросил! Человек на старости лет сошел с ума, а никому до этого нет дела! Безумный старик!

— А кто такая эта Ярослава? — спросил Геша.

— Вот она!

И Петр Карлович потряс в воздухе скрипкой.

— Это ее имя! Никифор так назвал скрипку после... Одним словом, он так ее назвал. Он ее обожал! Боготворил! И отдал первой встречной. Выживший из ума старикашка! Старый безмозглый пень!

— Почему вы называете его стариком? — пожала плечами Сашенька. — Он совсем даже не выглядит старым.

— Не выглядит?

Петр Карлович осекся, а потом голос его изменился, стал вкрадчивым и льстивым:

— А как же он выглядит, Сашенька?

— Ну как... На вид ему лет пятьдесят, никак не больше. Он мужчина крепкого телосложения. Крупные черты лица. Выющиеся густые волосы, седина в них только еще пробивается.

— А татуировки на руке у него не было?

Саша напрягла память. Вот в дверь высовывается рука, которая держит скрипку. Она обнажена до самого локтя, и хорошо видна синяя надпись «Кабул 1986».

— Это его зять! — воскликнул Петр Карлович, явно шокированный. — Боже мой, все еще хуже, чем я предполагал!

— Почему?

— Никифор порвал отношение с этим человеком после смерти Анечки!

— Анечка — это дочь Никифора?

— Это его внучка! Что касается дочери... То свою дочь мой друг также потерял.

— Какое горе!

— И не говори, — вздохнул Петр Карлович. — Бедный Никифор! Он души не чаял в своих девочках. Внучка поселились у Никифора после развода своих родителей. После того как ее мать ушла от своего невыносимого мужа и забрала девочку с собой, они стали жить у Никифора. Совершенно правильное решение, я считаю! У Никифора им было куда комфортней! И там я мог помогать с воспитанием Анечки. Родной отец ребенка если и появлялся, то крайне редко, и участия в воспитании девочки почти не принимал. Увы, в один из таких краткосрочных визитов и случилось несча-

стве, в котором Никифор обвинял потом зятя. Он так и не смог ему простить смерть внучки. Сашенька, как только я тебя увидел впервые, сразу вспомнил про нее.

— Почему?

— Анечка была очень похожа на тебя. Вот поэтому я и надеялся, что Никифор отдаст тебе ее скрипку.

— То есть мне вы предназначили скрипку его внучки?

— Да, Анечка занималась музыкой. И у нее был очень достойный инструмент, который все эти годы пылился у Никифора в шкафу. Погибшей девочке ее скрипка уже все равно не понадобится, а тебе могла пригодиться.

То есть милейший Петр Карлович сватал ей скрипку покойницы! Не очень-то приятная перспектива, играть на таком инструменте. Но одновременно у Сашеньки проснулось любопытство.

— А что случилось с этой Анечкой?

— Она погибла.

— Это я поняла. Но отчего? Она ведь была совсем молодой?

— Вы с ней были примерно одного возраста. Ее убили.

Еще и убили! Нехорошая несчастливая аура, окружавшая имя прежней владелицы скрипки,

могла частично коснуться и самого инструмента. Лично Саше куда больше нравилась та скрипка, которую ей подарил зять музыканта. И пусть Петр Карлович считает этого человека чуть ли не злодеем, Саша испытывала к нему симпатию. Вот так взял и подарил ей скрипку, которая должна стоять целое состояние. И ни копейки с нее за это не взял. Милейший человек! Милейший!

Но Петр Карлович ее чувств не разделял и метался по комнате в полном отчаянии.

— Я уверен, что случилось несчастье! Никифор никогда бы не впустил в свой дом этого человека, если бы не какие-то чрезвычайные обстоятельства. Мы должны немедленно ехать туда! Обязательно! Надо понять, что происходит!

Он так разволновался, что даже не смог сесть за руль. Пришлось вызвать такси. К этому времени уже стемнело. Родители дважды звонили Саше, пытаясь понять, где это она так сильно задержалась. Девочке пришлось убедительно врать про скрипку, которую для нее нашел Петр Карлович.

— Мы сейчас за ней как раз едем. Так что я под присмотром, не волнуйтесь.

О том, что бедный ее учитель сам нуждался в присмотре, Сашенька умолчала. А Петр Карлович был плох. Он сосредоточенно сосал

валидол, но лицо оставалось бледным. Какой из него защитник! Справа от девушки сидел Геша, который сам был еще ребенком. Старик, девушка и мальчишка. Саша припомнила крепкие мускулистые руки, которые протягивали ей скрипку в футляре, и засомневалась, стоит ли им в таком составе соваться в квартиру музыканта.

— Возможно, нам нужно позвонить кому-нибудь из друзей Никифора? — робко предложила она.

Но Петр Карлович покачал головой:

— Некому звонить. Все, кто был ему близок, уже умерли. Я — последний, кто может прийти на помощь Никифору.

— Ну, а родственники?

— Тоже.

— Тоже что?

— Умерли.

— Не может такого быть! Не могу поверить, чтобы у вашего Никифора был бы в родственниках только зять.

Но Петр Карлович стоял на своем. Если какая-нибудь дальняя родня и имеется, то он с ними связи не имеет, а стало быть, помощи от них ждать не приходится. И как ни пугала Сашеньку мысль, что отбивать великого музыканта из рук его врага — зятя им придется всего лишь втроем,

другого выхода не было. Оставалось надеяться, что зять проявит чуточку благородства и не станет драться со стариками, детьми и женщинами. А так как других бойцов в команде попросту не было, то зять по логике вещей должен был выдать им Никифора без боя.

ГЛАВА 2

Драться им и не пришлось. Попросту было не с кем. И когда они добрались до нужной двери, то сразу обнаружили два неприятных момента. Во-первых, дверь была приоткрыта. А во-вторых, из квартиры никто не отзывался.

— Вы как хотите, а мне это не нравится, — сказала Саша. — Нужно вызвать полицию.

Но Петр Карлович считал, что сначала нужно осмотреться и понять, что к чему.

— Полицию мы вызвать всегда успеем.

— Я точно знаю, когда дверь в чужую квартиру открыта, соваться туда нельзя, — настаивала Саша. — Нужно сообщить в органы и оставаться на месте до прибытия полиции.

— Так то в чужую! — возразил Петр Карлович. — А это квартира моего друга. Практически родственника! Да! Да! Ты не ослышалась! Если бы Хелена была замужем за мной, то сегодня у Никифора не было бы таких проблем. Хелене

нужно было быть моей женой, а не этого недалекого человека, который никогда не мог оценить такую тонкую и хрупкую натуру, какая была у Хелены! Так что мы идем внутрь сами!

Петр Карлович был старше и вообще, он был их преподавателем, поэтому спорить ребята не осмелились. Вслед за ним Сашенька и Геша шагнули через порог и оказались в самой удивительной и запущенной квартире, которую им приходилось видеть. Всюду, куда хватало взгляда, лежала пыль. Она покрывала зеркала, полочки и даже пол таким ровным слоем, что сразу становилось очевидно, ее покров никто не тревожил влажной тряпкой вот уже очень много лет подряд.

Посередине коридора в этой пыли была протоптана своего рода тропинка, еще три тропинки вели в ванную, кухню и комнату, которая оказалась проходной. Из этой первой комнаты можно было попасть в следующие две комнаты, которые были уже изолированными. Такое расположение комнат в квартире в народе именовалось «распашонкой» и не пользовалось особой любовью у населения. Оно и понятно почему. Вроде бы комнат три, а по факту использовать можно только две из них. В третьей проходной никто не захочет жить, потому что покоя в ней не будет. И даже мебель расставить

в ней трудновато, остается пригодной одна стена, а в остальных уже проделаны отверстия — либо это двери, либо окна.

И все же именно в этой комнате расположился на отдых мужчина. Место он выбрал очень странное, лежал в углу под столиком, так что за креслом его даже не сразу заметили.

Одного взгляда хватило Сашеньке, чтобы понять, перед ней тот самый зять Никифора, который подарил ей ценную скрипку. Нехорошие предчувствия охватили Сашу, когда она увидела этого прилегшего так некстати и не к месту отдохнуть человека.

Такие мысли одолевали не ее одну. И если Петр Карлович просто испуганно охнул, схватился за сердце и рухнул на стоящий в комнате диван, то Гена на ногах устоял, хотя и был бледен.

— С ним все в порядке? — испуганно произнес он, глядя на Сашеньку. — Он... он живой?

— Сейчас проверим.

Саша осторожно пробралась к телу пострадавшего, попутно отметив про себя, что, по крайней мере, в этой комнате пол недавно помыли. Влажные разводы высохли и оставили на полу живописные мазки. Не то чтобы таинственный уборщик стремился навести в комнате идеальную чистоту, но все же лучше, чем

совсем ничего. По крайней мере, можно было смело ступать, не боясь, что затопчешь чьи-нибудь следы.

— Ну, что там? Живой он?

Тело было теплым, но глаза у мужчины были закрыты, а дыхание почти не прослушивалось. Кроме того, тронутые сединой волосы у него на голове были испачканы кровью.

— По-моему, он без сознания. Тут нужен врач!

— Я вызову!

Пока Геша вызывал врачей, Саша сканировала взглядом комнату. Так что же она тут видит необычного? Все предметы в комнате покрывал тот же слой пыли, который встретил друзей в коридоре. А вот пол кто-то совсем недавно протер шваброй, которая валялась тут же. Протер небрежно, совсем не желая наводить чистоту и порядок, скорее всего, это сделали для того, чтобы уничтожить следы своего пребывания.

Конечно, в коридоре протоптаны тропинки, по которым преступник мог передвигаться без опаски. А тут ему пришлось оттащить тело в сторону от основных путей сообщения, он наследил в пыли и побоялся, что по следам его смогут быстро вычислить. Поэтому ему пришлось на скорую руку проверить легкую убор-

ку. Он очень торопился, но все равно успел закончить совсем незадолго до нашего появления.

На все еще слегка влажном полу Саше удалось разглядеть всего один отпечаток, который не принадлежал ни им троим, ни пострадавшему. Это был отпечаток ноги женщины или подростка. Размер тридцать пятый, никак не больше.

— У Хелены всегда была очень маленькая ножка, — неожиданно подал голос Петр Карлович. — А вот Анечка унаследовала ступни своего отца, у нее даже в подростковом возрасте нога была почти тридцать восьмого размера.

Саша закончила осмотр комнаты и под села к Петру Карловичу.

— Кто такая эта Хелена? — ласково спросила она у него. — Вы уже не впервой упоминаете ее имя. И расскажите мне уже, что именно случилось с Анечкой?

— Свою дочку Никифор назвал Хеленой. На этом настояла его жена. Чудесная женщина, я всегда завидовал Никифору. Разумеется, завидовал белой завистью! Но Марта была просто находка. Понимающая, чуткая, душевная, но при этом еще и великолепная хозяйка. Именно она содержала дом в порядке, а Никифора с Хеленочкой в чистоте и уходе.

— Значит, Хелена была дочерью Никифора и его жены Марты?

— Да, других детей Никифору иметь было не суждено. И они с Мартой души не чаяли в Хелене. Увы, она сделала неверный шаг, вышла замуж за этого ужасного человека — Сергея, и с этого момента вся ее жизнь пошла под откос. Муж оказался тираном, постоянно ей лгал, пропадал где-то сутками напролет, потом придумывал всяческие истории об его якобы похищениях. Конечно, он шлялся по бабам. Но Хелену держал с ним ребенок.

— Анечка?

— Очень милое существо. Очаровательная крошка. Она обожала свою маму и бабушку с дедушкой. Ко мне она испытывала дружеские, почти родственные чувства. Звала меня «деда Петр». Увы, однажды девочка пропала. Мать была вне себя, Никифор с Мартой обезумели от горя. Одному папаше было все равно, он снова куда-то исчез. Впрочем, кому до него было какое дело? Хелена уже давно перебралась жить к родителям. Так что поиски Анечки почти целиком легли на плечи Никифора, Марты и Хелены. Увы, они не принесли желанного результата. Хелена осталась жить у Никифора, но надо было видеть, в каком жалком состоянии она пребывала. Муж ничем... ровным счетом ничем

ее не поддержал. На саму Хелену страшно было смотреть. Она чахла буквально на глазах. Потом умерла Марта, уверен, этому способствовало то, что случилось с внучкой и дочерью. Никифору было проще, он целыми днями проводил на работе. Там, среди людей за любимым делом, он отвлекался от своего горя. А Хелена была обречена. В тоске и одиночестве она целыми днями ходила по опустевшей квартире. Она ничего не могла делать, повредилась рассудком. И те тропинки, которые так тебя удивили, появились еще при ее жизни в этой квартире. Конечно, если такое существование можно было назвать жизнью.

— А потом она умерла?

— Фактически да. Можно и так сказать.

— Как это? — не поняла Сашенька.

— Никифор поместил дочь в психиатрическую лечебницу. Ему пришлось это сделать, Хелена повредилась рассудком, врачи настаивали, что ей нужен специальный уход, которого овдовевший Никифор не мог своей дочери предоставить. Он и за собой-то никогда не умел толком ухаживать, что уж там говорить о других! Впрочем, врачи предполагали, что, если бы Хелена могла увидеть свою дочь живой, возможно, разум к ней бы и вернулся, в психиатрии известны подобные случаи. Вот только никто до сих пор

не может сказать, куда исчезла Анечка. Не было найдено ничего, что указывало бы на это.

— То есть, возможно, Анечка еще жива?

— Шансов на такой благоприятный исход почти нет. Все полицейские, которые занимались делом исчезновения Анечки, держались одной точки зрения. Раз не удалось найти ребенка в течение полугода, значит, она мертва.

Сашенька задумалась. Изначально Петр Карлович сказал, что дочь и внучка Никифора погибли, а теперь выясняется, что это не совсем так. Внучка пропала, но тело ее так и не было обнаружено, а стало быть, существует крохотная вероятность того, что девочка до сих пор жива. Ну, а про дочь точно известно, что она жива, хоть рассудок у нее и дремлет.

— А что с ним случилось?

Это Сашеньку слегка подтолкнул вернувшийся в комнату Геша.

— Врачей вызвал, — отчитался он. — Они спросили, что с ним такое?

Геша указывал на тело.

— Кто-то ударил его по голове.

— Ну, я так и сказал им, у него удар. Они обещали приехать, как можно скорее.

— Удар и ударили — это немного разные вещи, — вмешался Петр Карлович. — Ударом раньше называли апоплексический удар или

инсульт. А Сергея кто-то просто ударил по голове.

— Кто?

— Наверное, сам хозяин квартиры, — предположил Геша.

Но против такого предположения активно воспротивился Петр Карлович:

— Никифор не мог этого сделать! Он и в лучшие годы мухи бы не обидел. А уж сейчас... Он чувствует себя куда старше своих лет. Жаловался мне на днях, что еле ходит. Буквально из последних сил таскает ноги. Где уж ему кого-то там по головам лупить.

— Тогда кто?

— Я не знаю.

— Ваш друг, как я понимаю, жил один?

— Да.

— А кто ему помогал по хозяйству?

— Сам управлялся. Много ли ему надо? Немного несладкого чая и кусок ржаного хлеба.

— Однако на кухне у него стоит бисквитный торт с кремом и бутылка коньяка.

Это произнес Геша, который уже успел пробежаться по квартире, и Сашенька почувствовала некоторую досаду. Впрочем, досадовала она на саму себя. Расселась тут, допрос ведет. Этим можно будет заняться и потом. Петр Карлович никуда от нее не денется. А вот из квар-

тиры и непосредственно с места преступления их в скором времени могут и турнуть. Да и пострадавшего неплохо было бы осмотреть повнимательней.

Этим Саша и занялась.

Петр Карлович пробовал возражать, что это неэтично для молодой девушки рыться по чужим карманам и щупать чужое тело, тем более что тело принадлежит живому еще мужчине. Но Сашенька этого чудака даже не стала слушать. Если бы она всегда вела себя как прилично молодой девушке, ни одно из проводимых ею расследований так и не было бы завершено. О чем она сообщила Петру Карловичу, приведя того в состояние полнейшего шока.

— Я и не подозревал, что ты скрываешь подобные таланты!

— Вы еще многого про меня не знаете! Говорю вам, научиться игре на скрипке мне необходимо для пользы дела.

Говоря это, Саша уже вовсю рылась в чужих карманах. Девушка была в совершеннейшем упоении. Наконец-то... Наконец-то настоящее дело! К сожалению, карманов у пострадавшего было немного, толком разгуляться не удалось. Два кармана нашлось на его брюках и один нагрудный на рубашке. В брюках нашелся перочинный ножик и помятая пачка сигарет с зажи-